

«Безумцы, я сама не знаю...»

Безумцы! Я сама не знаю,
 Не знаю куда иду —
 К обреченному герцогу Бурбонскому,
 К последней мечте, или к расе
 Я вас с собою приведу.
 Какое дикае упрямство
 Связано с вами, как с карким врагом,
 Нравы вы ваете вас к вам,
 Мне страшно это постоление
 И верность огненным прикам.
 Вы вспоминаете едва ли,
 Куда я заводила вас
 В каком вы месте шуровали,
 Как в замурованном подвале
 На герцогине в церкви вое.
 Как вы с ней со мной делили,
 И не помню, и не знаю, год...
 Вы будете, вы есть, вы — думай,
 А я — надугай звезд...

10 октября 1959
 Москва
 (Дни)



Безумцы! Я сама не знаю,
Не знаю я куда иду –
К обрыву черному блуждая,
К последней гибели, иль к раю
Я вас с собою приведу.
Какое дикое упрямство
Связало нас, как зоркий враг,
Мне страшно это постоянство
И верность огненных присяг.
Вы вспоминаете едва ли,
Куда я заводила вас,
В каком вы месте пировали,
Как в замурованном подвале
На черной плахе в черный час.
Какой вы стыд со мной делили,
И немоты моей года...
Вы будете, вы есть, вы – были,
А я – падучая звезда.

10 октября 1959
Москва
(днем)

КОММЕНТАРИЙ

α – принятый Ахматовой, похожий на греческую альфу росчерк над стихотворением без названия.

2-я строка – первоначально описка: вместо «иду» – «ида» (возможно, вынужденная предыдущим «куда»).

3-я строка – первоначально вместо «блуждая» было «блуждаю»; менее вероятно – наоборот.

7-я строка – первоначально: «Привязывает вас ко мне...»

9-я строка – после «верность» маленькая клякса – не точка.

16-я строка – первоначально была оставлена как строка точек; на следующем этапе: «Молчанья долгие года».

Стихотворение лежит в русле темы, наиболее отчетливо прочерченной в стихотворении 1922 года «Многим». (См. также: «Но я предупреждаю вас», 1940; «Какая есть. Желаю вам другую», 1942; «Кому и когда говорила», 1952; «Из-под каких развалин говорю», 1959.) Хотя «вы» здесь описывается как круг современников (читателей

или вообще людей, так или иначе вовлеченных в обстоятельства жизни автора), от поэта отделенный, однако они от него не отчуждены. Отнюдь не «чернь», а скорее те, кого можно назвать сочувствующими, поддерживающими, очарованными, но кому не дано пройти с поэтом весь его путь, сделать последний шаг соединения с ним («чашу, которую Я пью, будете пить и крещением, которым Я крещусь, будете креститься; а дать сесть у Меня по правую сторону и по левую – не от Меня зависит, но кому уготовано». Марк, X, 39-40).

Вместе с тем в стихотворении просматриваются присущие ахматовской поэзии дантовские мотивы в период ее перехода от ранней к поздней их интерпретации, то есть от сосредоточенности на личной и гражданской судьбе поэта к следованию ему, когда он сходит в загробное царство. Обращение к Данте сопутствовало в творчестве Ахматовой, как правило, теме изгнанничества и означалось «покаянной рубахой», «свечой» и «горьким хлебом», повторенными в нескольких стихотворениях, начиная с «Не с теми я, кто бросил землю» 1922 года и кончая «Наследницей» 1959-го. Однако к началу 1960-х доминирующим становится «место дантовского круга» (главным образом в «Прологе» и «Полночных стихах»). Публикуемое стихотворение содержит как знак первоначального подхода к Данте: «на черной плахе» (ср. со стихами 1935 года «Зачем вы отравили воду»: «... Без палача и плахи / Поэту на земле не быть. / Нам покаянные рубахи, / Нам со свечой идти и выть».) – так и заключительного: «К обрыву черному блуждая, / К последней гибели иль к раю».

Может быть, самым убедительным проявлением родственности подобных стихов Ахматовой соответствующим дантовским служит наиболее трудно доказуемый через цитаты общий для обоих пафос тона. Цитатная, равно как и описательная, переключка между ними освещена в ахматоведении достаточно полно. Но, насколько нам известно, в круг обычно приводимых текстуальных совпадений до сих пор не попадали строчки «Зачем последнюю свободу / Вы превращаете в вертеп?» из упомянутого «Зачем вы отравили воду». Вертеп – «притон преступников и развратников» согласно современному словарю – это *bordello*, бордель, в который превратилась страна, из знаменитого обличительного плача Данте по Италии («Чистилище», песнь VI, 78). Высокая патетика, своего рода голосовое бесстрашие всего фрагмента протяженностью в 76 строчек звучит с тем же напряжением в ряде близких по духу стихотворений Ахматовой, в частности, в публикуемом здесь. Это и отличает поэтов, которых мы имеем основание называть великими, от остальных.

Публикация и комментарий Анатолия НАЙМАНА